

Ганс Гейнц Эверс Утопленник

Моя спутанная речь разбилась надвое.
Вальтер фон дер Фогельвейде

Жил-был однажды молодой человек, который смотрел на мир несколько иными глазами, чем его окружающие. Он мечтал днем и грезил ночью, но те, кому он рассказывал о своих мечтах и грезах, находили их глупейшими. Они называли его круглым дураком. Но сам он думал, что он поэт.

Когда они смеялись над его стихами, он смеялся вместе с ними. И они не замечали, как больно ему это было.

А ему было так больно, что он однажды пошел к Рейну, который плескал свои мутные весенние волны у стен старой таможни. И только благодаря случайности он не прыгнул туда. Только потому, что он встретил одного приятеля, который сказал ему:

- Пойдем в кабачок!

И он сидел в кабачке и пил с приятелем вино - сначала "Иозефсгофер", а потом "Максими Грюнгейзер" и "Форстер Кирхенштюк". И еще пришло тогда в голову несколько стихов, которые он и записал карандашом на винном прейскуранте. А когда явились господа коллеги - секретарь и ассессоры, прокурор и оба мировых судьи, - он прочел им эти стихи:

Бледнея тускло-бледным телом,
Немой мертвец в тумане белом
Лежал в пруду оцепенелом...

Далее в стихотворении говорилось о том, как отнеслись к появлению утопленника карпы: они беседовали между собой и терялись в догадках. Одни говорили о нем хорошее, другие - дурное.

Один лишь карп был просто рад.

Он думал: "Вот попался клад!"

И, все забыв на свете белом,

Он угощался мертвым телом.

И говорил он сам с собой:

- Как упустить мне клад такой?

Ведь не найдется в свете целом

Мертвец с таким прекрасным телом!

Посмотрели бы вы на господ коллег - на секретаря и ассессоров, на прокурора и обоих судей!

- Милый человек! - сказал прокурор. - Не сочтите за обиду, что я вас иногда высмеивал. Вы гений! Вы сделаете себе карьеру.

- Великолепно! - воскликнул белокурый мировой судья.- Великолепно! Вот что значит юридическое образование. Из такого теста можно вылепить второго Гете.

- Habemus poetam! - ликовал круглый, как шар, секретарь. И все говорил молодому человеку, что он поэт, настоящий поэт, своеобразный поэт - поэт "Божией милостью" и т. д...

Молодой человек смеялся и чокался с ними. Он думал, что они шутят. Но когда он увидел, что они говорят совершенно серьезно, он ушел из кабачка. Он в это мгновение был снова трезв, так трезв, что едва снова не пошел топиться в Рейне. Такова была его судьба: когда он чувствовал себя поэтом, они называли его дураком. А теперь, когда он изобразил собою дурака, они объявили его поэтом.

Прокурор был прав: молодой человек сделал себе карьеру. И в салонах, и в концертных залах, и на больших сценах, и маленьких - везде он стал читать свои стихи. Он вытягивал губы наподобие рыбьего рта, чавкал так, как, он думал, должны чавкать карпы, и начинал:

Бледнея тускло-бледным телом,

Немой мертвей в тумане белом

Лежал в пруду оцепенелом...

И да будет известно, что его коллеги отнюдь ничего не преувеличили - ни секретарь, ни ассессоры, ни оба мировые судьи ни прокурор! Да будет известно, что его оценили всюду, и хвалили его, и приветствовали, и аплодировали ему во всех немецких городах. И драматические артисты, и чтецы, и докладчики уцепились за его стихотворение и еще более распространили его славу. А композиторы положили его на музыку, а певцы пели, и музыка, изображая естественными звуками чавканье карпов, придавала стихотворению еще более выразительности и глубины.

Да будет все это известно!..

Молодой человек думал: "Это очень хорошо. Пусть их восхищаются и аплодируют и кричат о моей шутке, что это настоящая поэзия. Я получу громкую известность, и тогда мне легко будет выступить с настоящей моей поэзией".

И поэтому он декламировал тысячам восхищенных слушателей историю о "немом мертвце в пруду оцепенелом", и никому из людей не говорил о том, как тошнит его самого от этой истории. Он кусал себе губы, но принимал любезное выражение и корчил рыбью физиономию...

Молодой человек забыл, что величайшая добродетель немцев - верность и что они и от своих поэтов прежде всего требуют верности: поэты должны петь всегда в том тоне, в каком они начали - никоим образом не иначе. Если же они начинают петь на иной лад, то это оказывается фальшиво, неверно и негодно, и немцы презирают их.

И когда наш молодой человек стал воспевать теперь орхидеи и асфodelии, желтые мальвы и высокие каштаны - к нему повернулись спиной и стали над ним смеяться.

Правда, не везде. Высший свет ведь так вежлив... Когда поэт выступил на днях в домашнем концерте на Рингштрассе вместе с оперной певицей и длиннокудрым пианистом и начал усталым голосом декламировать о душе цветов, над ним не смеялись. Ему даже аплодировали и находили, что это очень мило. Так вежливы были там! Но молодой человек чувствовал, что слушатели скучают, и не был несколько удивлен, когда кто-то крикнул: "Утопленника!"

Он не хотел. Но хозяйка дома стала упрашивать:

- Ах, пожалуйста, "Утопленника"!

Он вздохнул, закусил губы... Но соорудил рыбью физиономию и стал в три тысячи двести двадцать восьмой раз читать отвратительную историю. Он почти задышался...

Но кавалеры и дамы аплодировали и восторгались. И вдруг он увидел, что одна старая дама поднялась со своего кресла, вскрикнула и упала.

Кавалеры принесли одеколон и смачивали упавшей в обморок даме виски и лоб. А поэт склонился к ее ногам и целовал ее руки. Он чувствовал, что любит ее, как свою мать.

Когда она открыла глаза, ее взор прежде всего упал на него. Она вырвала у него руку, словно у нечистого животного, и воскликнула:

- Прогоните его!

Он вскочил и убежал. Он забился в дальний угол залы и опустил голову на руки. И, пока они провожали старую даму вниз по лестнице к ее карете, он сидел там. Он уже знал все в точности. Он знал все это еще до того, как ему сказали об этом хотя бы одно слово.

Это было как бы исполнение предначертанного. Он чувствовал, что это должно было рано или поздно свершиться.

И когда они вернулись к нему со своими: "Ужасно!", "Невероятно!", "Трагедия жизни!", "Жестокое совпадение!" - он не был несколько удивлен.

- Я уже знаю это, - сказал он. - Старая дама два года тому назад потеряла единственного сына. Он утонул в озере, и только чрез несколько месяцев нашли его ужасный, неузнаваемый труп. И она, его мать, сама должна была опознать его тело...

Они ответили утвердительно. Тогда поднялся молодой человек. И воскликнул:

- Для того чтобы позабавить вас, обезьян, я, дурак, причинил несчастной матери такую

боль... Так смейтесь же, смейтесь же!..

Он соорудил рыбою физиономию и начал:

Бледнея тускло-бледным телом,

Немой мертвец в тумане белом

Лежал в пруду оцепенелом.

Но на этот раз они не смеялись. Они были слишком хорошо воспитаны для этого...

Берлин. Декабрь 1904